

Вторженіє смерти.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДѢДЪ—слѣпой.

ОТЕЦЪ.

ДЯДЯ.

ТРИ ДОЧЕРИ.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ.

СЛУЖАНКА.

Дѣйствіе происходитъ въ наше время.

Эдмону Пикару.

Довольно мрачный залъ въ старинномъ замкѣ. Направо и налево двери, въ углу потайная небольшая дверь. Въ глубинѣ—окна съ разноцвѣтными, главнымъ образомъ, съ зелеными стеклами и стеклянная дверь, выходящая на террасу. Въ углу большіе фламандскіе часы. Горитъ лампа.

Три дочери. Идите сюда, дѣдушка, сядьте поближе къ лампѣ!

Дѣдъ. Здѣсь какъ будто не очень свѣтло.

Отецъ. Мы пойдемъ на террасу или останемся здѣсь?

Дядя. Не лучше-ли остаться здѣсь? Всю недѣлю шли дожди,—ночи сырыя, холодныя...

Старшая дочь. Небо все-таки звѣздное!

Дядя. Ну, звѣзды-то еще ничего не доказываютъ.

Дѣдъ. Останемся лучше здѣсь... Неизвѣстно, что еще можетъ случиться.

Отецъ. Безпокоиться ужъ больше нечего... Опасность прошла, теперь ужъ она спасена.

Дѣдъ. А мнѣ кажется, ей плохо.

Отецъ. Почему вы это думаете?

Дѣдъ. Голосъ ея слышалъ.

Отецъ. Но разъ доктора говорятъ, что мы можемъ

быть спокойны...

Дядя. Развѣ вы не знаете, что вашъ тестъ любить пугать насъ попусту...

Дѣдъ. Я вижу хуже.

Дядя. Въ такомъ случаѣ надо полагаться на тѣхъ, кто видитъ. Сегодня послѣ обѣда у нея былъ очень хорошій видъ... И сейчасъ она крѣпко спитъ... Не будемъ же сами отравлять первый хорошій вечеръ, выпавшій на нашу долю... По моему, сегодня мы безъ всякъ опасеній имѣемъ право отдохнуть и даже посмѣяться немного.

Отецъ. Въ самомъ дѣлѣ сегодня я въ первый разъ послѣ этихъ ужасныхъ родовъ чувствую, что я дома, среди своихъ!

Дядя. Да, когда въ домѣ больные, всегда кажется, что въ семьѣ есть кто-то посторонній.

Отецъ. И въ то же время сознаешь, что ни на кого, кромѣ своей семьи, нельзя полагаться...

Дядя. Да, вы совершенно правы.

Дѣдъ. Отчего вы не дали мнѣ повидаться съ моею бѣдною дочерью?

Дядя. Вы же знаете,—докторъ запретилъ.

Дѣдъ. Просто не знаю, что и думать.

Дядя. Нечего вамъ беспокоиться!

Дѣдъ, показывая на лѣвую дверь. Она не услышитъ насъ?

Отецъ. Мы говоримъ негромко, да кромѣ того и дверь очень толста, а потомъ съ ней сестра милосердія... Она бы сказала, если бы мы слишкомъ шумѣли.

Дѣдъ. Указывая на правую дверь. А онъ не слышетъ насъ?

Отецъ. Нѣтъ, нѣтъ.

Дѣдъ. Онъ спитъ?

Отецъ. Вѣроятно.

Дядя. Надо бы пойти взглянуть.

Дядя. Ребенокъ меня беспокоить больше, чѣмъ ваша жена! Ужъ нѣсколько недѣль, какъ онъ родился, а до сихъ поръ лежитъ почти безъ движенія, и ни одного раза даже не закричалъ. Можно подумать, что онъ не живой, а изъ воску...

Дядя. Я думаю, онъ будетъ глухой, а можетъ быть, даже и нѣмой... Вотъ они браки между близкими родственниками! Неодобрительное молчаніе.

Отецъ. У меня къ нему нехорошее чувство за то, что онъ причинилъ матери столько страданій.

Дядя. Надо быть разсудительнымъ. Бѣдный ребенокъ въ этомъ не виноватъ.—Онъ совсѣмъ одинъ въ комнатѣ?

Отецъ. Да, докторъ просилъ, чтобы его не оставляли въ одной комнатѣ съ матерью.

Дядя. Но кормилица-то съ нимъ?

Отецъ. Нѣтъ, она пошла на минутку отдохнуть. Последние дни ей было очень трудно.—Поди-ка, Урсула, взгляни, спитъ ли онъ.

Старшая дочь. Сейчасъ, папа. Три сестры встаютъ и держась за руки, входятъ въ комнату нараве.

Отецъ. Въ которомъ часу придетъ сестра?

Дядя. Я думаю около девяти.

Отецъ. Девять уже било. Только бы она пришла сегодня! Женѣ очень хочется ее повидать.

Дядя. Навѣрное придетъ. Она въ первый разъ будетъ здѣсь?

Отецъ. Да, она никогда еще не была у насъ.

Дядя. Ей очень неудобно оставлять монастырь.

Отецъ. Она придетъ одна?

Дядя. Вѣроятно съ кѣмъ-нибудь изъ монахинь. Онѣ не имѣютъ право выходить однѣ.

Отецъ. Ну, она старшая!

Дядя. Уставъ для всѣхъ одинъ.

Дѣдъ. Вы успокоились?

Дядя. Отчего же намъ беспокоиться? Нечего и возвращаться къ этому. Опасность прошла.

Дѣдъ. Ваша сестра старше васъ?

Дядя. Да, она самая старшая.

Дѣдъ. Не знаю, что со мной, но душа у меня не спокойна. Я бы хотѣлъ, чтобы ваша сестра была здѣсь.

Отецъ. Она придетъ... Она обѣщала.

Дѣдъ. Хотя бы этотъ вечеръ прошелъ поскорѣй! Три дочери возвращаются.

Отецъ. Спать?

Старшая дочь. Да, папа. И очень крѣпко.

Дядя. Чѣмъ бы намъ заняться въ ожиданіи?

Дѣдъ. Въ ожиданіи чего?

Дядя. Въ ожиданіи сестры.

Отецъ. Никто не идетъ, Урсула?

Старшая дочь у окна. Нѣтъ, папа.

Отецъ. И въ аллеѣ?—Ты видишь аллею?

Дочь. Да, папа, луна свѣтитъ, и я вижу аллею до самыхъ кипарисовъ.

Дѣдъ. И ты никого не видишь?

Дочь. Никого, дѣдушка.

Дядя. Какая погода.

Дочь. Превосходная! Слышите, соловьи поютъ.

Дядя. Да, да.

Дочь. Вонъ вѣтерокъ поднялся въ аллеѣ.

Дѣдъ. Вѣтерокъ въ аллеѣ!

Дочь. Да, листья немного дрожать.

Дядя. Странно, что сестры до сихъ поръ нѣтъ.

Дѣдъ. Я ужъ не слышу соловьевъ.

Дочь. Должно-быть, дѣдушка, кто-нибудь вошелъ въ садъ.

Дѣдъ. Кто же это?

Дочь. Не знаю, я никого не вижу.

Дядя. Потому что никого и нѣтъ!

Дочь. Нѣтъ, должно-быть, кто-нибудь есть въ саду. Соловьи сразу примолкли.

Дѣдъ. Шаговъ я что-то никакихъ не слышу.

Дочь. Должно быть, кто-нибудь проходитъ около пруда, потому что лебеди испугались.

Другая дочь. Всѣ рыбы вдругъ въ прудѣ заплескались.

Отецъ. Ты никого не видишь?

Дочь. Никого, папа.

Отецъ. Но вѣдь весь прудъ освѣщенъ луною!

Дочь. Да. Я вижу, что лебеди испугались.

Дядя. Я увѣренъ, что это сестра ихъ испугала. Она войдетъ въ эту маленькую дверь.

Отецъ. Не могу понять, почему собаки совсѣмъ не лаютъ?

Дочь. Я вижу собаку, она спряталась въ конуру!— Лебеди плывутъ къ другому берегу!

Дядя. Они испугались сестры! Пойду, посмотрю. Зоветь. Сестра! сестра! Это ты?—Никого нѣтъ.

Дочь. Я увѣрена, что кто-то вошелъ въ садъ. Пойдите, посмотрите!

Дядя. Она бы мнѣ отвѣтила.

Дѣдъ. А соловьи не начинаютъ опять пѣть, Урсула?

Дочь. Нѣтъ, я не слышу ни одного.

Дѣдъ. А шуму ужъ никакого нѣтъ?

Отецъ. Мертвая тишина!

Дѣдъ. Должно быть ихъ испугалъ какой-нибудь посторонній... Если бы это былъ кто-нибудь изъ своихъ, они бы не замолчали!

Дядя. Ну, вы начнете теперь заниматься соловьями!

Дѣдъ. Урсула! Всѣ окна открыты?

Дочь. Стеклянная дверь открыта, дѣдушка.

Дѣдъ. Въ комнатѣ, кажется, становится холодно.

Дочь. Въ саду вѣтерокъ, дѣдушка... Розы осыпаются...

Отецъ. Затвори-ка дверь. Ужъ поздно!

Дочь. Сейчасъ, папа.—Я не могу ее закрыть!

Двѣ другія дочери. Мы не можемъ ее закрыть.

Дѣдъ. Что случилось, дѣвочки?

Дядя. Нечего говорить это такимъ ужаснымъ голосомъ... Я помогу вамъ!

Старшая дочь. Мы не можемъ закрыть ее совсѣмъ плотно!

Дядя. Она отсырѣла... Попробуйте вмѣстѣ захлопнуть ее! Между дверцами, должно быть, что-нибудь попало.

Отецъ. Завтра плотникъ поправитъ.

Дѣдъ. Развѣ плотникъ придетъ завтра?

Дочь. Да, дѣдушка, онъ будетъ поправлять погребъ.

Дѣдъ. Сколько будетъ шуму!

Дочь. Я скажу ему, чтобы онъ работалъ потише.

Вдругъ снаружи раздается звукъ натачиваемой косы.

Дѣдъ, вздрагивая. Ахъ!

Дядя. Что это такое?

Дочь. Я сама не знаю навѣрно... Должно быть, это садовникъ. Я не могу хорошенько разглядѣть.. Онъ, должно быть, въ тѣни отъ дома.

Отецъ. Просто садовникъ собирается косить.

Дядя. Развѣ онъ косить ночью?

Отецъ. Завтра, должно быть, воскресенье?—Ну, конечно!—Я замѣтилъ ему, что трава вокругъ дома очень высока.

Дѣдъ. Мнѣ кажется, онъ ужъ очень шумить своей косой.

Дочь. Онъ косить вокругъ дома.

Дѣдъ. Ты его видишь, Урсула?

Дочь. Нѣтъ, дѣдушка. Онъ въ темнотѣ.

Дѣдъ. Боюсь, какъ бы онъ не разбудилъ мою дочь.

Дядя. Его чуть слышно.

Дѣдъ. А я слышу такъ ясно, какъ будто онъ косить въ самомъ домѣ!

Дядя. Бояться нечего,—больная не услышитъ.

Отецъ. Какъ будто лампа сегодня горитъ нехорошо.

Дядя. Надо бы подлить масла!

Отецъ. Сегодня наливали. Я видѣлъ... Она стала горѣть плохо послѣ того, какъ закрыли окно.

Дядя. Должно быть, стекло запотѣло.

Отецъ. Она сейчасъ будетъ горѣть лучше!

Дочь. Дѣдушка заснулъ! Онъ уже три ночи не спалъ.

Отецъ. Ужъ очень онъ безпокоился!

Дядя. Онъ всегда преувеличиваетъ... По временамъ его ничѣмъ нельзя убѣдить...

Отецъ. Въ его возрастѣ это извинительно!

Дядя. Одному Богу извѣстно, что съ нами будетъ въ его года.

Отецъ. Да! Ему уже около восьмидесяти...

Дядя. Да, конечно, онъ имѣетъ право имѣть странности.

Отецъ. Всѣ слѣпые ужъ такіе!

Дядя. Они всѣ слишкомъ погружены въ мысли.

Отецъ. У нихъ слишкомъ много свободнаго времени!

Дядя. Больше имъ и дѣлать нечего.

Отецъ. Да и развлеченій у нихъ никакихъ нѣтъ.

Дядя. Должно быть, это ужасно.

Отецъ. Повидимому, они привыкаютъ.

Дядя. Не могу себѣ этого представить!

Отецъ. Безъ сомнѣнія, они жалки.

Дядя. Не знать, гдѣ ты находишься, не знать, откуда и куда идешь, не быть въ состояніи различить день отъ ночи, лѣто отъ зимы... И вѣчно этотъ мракъ, этотъ ужасный мракъ!.. Нѣтъ, я бы предпочелъ не жить! Неужели это совершенно неизлѣчимо?

Отецъ. Кажется, да.

Дядя. Но онъ вѣдь не совсѣмъ слѣпъ?

Отецъ. Сильный свѣтъ онъ различаетъ.

Дядя. Да, надо беречь глаза...

Отецъ. Странныя мысли иногда приходятъ ему въ голову!

Дядя. По временамъ онъ довольно несносенъ!

Отецъ. Онъ говоритъ буквально все, что думаетъ.

Дядя. А раньше онъ не былъ такимъ?

Отецъ. Конечно, нѣтъ. Было время, когда онъ разсуждалъ такъ же, какъ и мы, и не говорилъ ничего необычайнаго... И потомъ Урсула сама его волнуешь,—отвѣчаетъ на всѣ его вопросы...

Дядя. Да, это услуга плохая! Лучше бы ему совѣмъ не отвѣчать...

Бьетъ десять часовъ.

Дѣдъ, просыпаясь. Я сижу лицомъ къ стеклянной двери?

Дочь. Поспали, дѣдушка?

Дѣдъ. Я сижу лицомъ къ стеклянной двери?

Дочь. Да, дѣдушка.

Дѣдъ. Никого нѣтъ около двери?

Дочь. Я никого не вижу, дѣдушка!

Дѣдъ. Мнѣ показалось, что кто-то ждетъ тамъ. Никто не приходилъ? Обращаясь къ дядѣ и отцу. И ваша сестра не приходила?

Дядя. Поздно... Она ужъ не придетъ! Нехорошо это съ ея стороны!

Отецъ. Меня это начинаетъ беспокоить.

Слышенъ шумъ, какъ будто кто-то вошелъ въ домъ.

Дядя. Вотъ она! Вы слышали?

Отецъ. Да. Какъ будто кто-то вошелъ внизъ!

Дядя. Это, навѣрно, сестра!.. Я узнаю ея походку.

Дѣдъ. Какіе медленные шаги!

Отецъ. Она вошла очень тихо.

Дядя. Она знаетъ, что въ домѣ больная...

Дѣдъ. Теперь я ничего не слышу...

Дядя. Она сейчас поднимется... Ей скажутъ, что мы здѣсь!

Отецъ. Я радъ, что она пришла.

Дядя. Я былъ убѣжденъ, что она сегодня придетъ!

Дѣдъ. Что-то ужъ очень долго она не входитъ.

Дядя. И все-таки я увѣренъ, что это она!

Отецъ. Да мы никого больше и не ждемъ!

Дѣдъ. Я не слышу никакого шума внизу.

Отецъ. Я позову служанку, и мы узнаемъ въ чемъ дѣло!

Дергается за шнурокъ сонетки.

Отецъ. Это идетъ служанка.

Дѣдъ. Какъ-будто она не одна!

Отецъ. Какъ она медленно идетъ...

Дѣдъ. Я слышу шаги вашей сестры.

Отецъ. А я слышу шаги одной служанки.

Дѣдъ. Это ваша сестра! Ваша сестра!

Въ маленькую дверь раздается стукъ.

Дядя. Она стучится въ дверь потайной лѣстницы.

Отецъ. Пойду отворю самъ, а то эта маленькая дверь сильно скрипитъ... И ею пользуются только тогда, когда хотятъ взойти незамѣтно въ комнату! Онъ пріотворяетъ маленькую дверь, служанка остается за дверью. Гдѣ вы?

Служанка. Здѣсь, сударь.

Дѣдъ. Ваша сестра въ дверяхъ?

Дядя. Я не вижу никого кромѣ служанки!

Отецъ. Никого кромѣ служанки нѣтъ! Обращается къ служанкѣ. Кто вошелъ въ домъ?

Служанка. Вошелъ въ домъ?

Отецъ. Ну да, кто-то сейчасъ вошелъ!

Служанка. Никто не входилъ, сударь!

Дѣдъ. Кто это такъ вздыхаетъ?

Дядя. Это служанка, у нея одышка!

Дѣдъ. Она плачетъ?

Дядя. Нѣтъ, съ какой стати ей плакать?..

Отецъ служанкѣ. Сейчасъ никто не входилъ?

Служанка. Да нѣтъ же, сударь.

Отецъ. Мы же слышали, какъ открывали дверь!

Служанка. Это я заперла дверь.

Отецъ. Развѣ она была отперта?

Служанка. Да, сударь.

Отецъ. Почему же она была отперта такъ поздно?

Служанка. Не знаю, сударь, я сама ее запирала.

Отецъ. Кто-же въ такомъ случаѣ ее отперъ?

Служанка. Не знаю, сударь. Вѣроятно кто-нибудь выходилъ послѣ меня...

Отецъ. Надо же смотрѣть.--Не трогайте двери, вы же знаете, что она скрипитъ!

Служанка. Да я же, сударь, и не трогаю.

Отецъ. Какъ же нѣтъ? Вы ее отворяете, какъ-будто хотите войти въ комнату.

Служанка. Я, сударь, въ трехъ шагахъ отъ двери!

Отецъ. Говорите потише!

Дѣдъ. Что это — лампа гаснетъ?

Старшая дочь. Нѣтъ, дѣдушка.

Дѣдъ. Мнѣ показалось, что вдругъ стало совсѣмъ темно!

Отецъ служанкѣ. Идите, только не шумите на лѣстницѣ!

Служанка. Я и не шумѣла.

Отецъ. А я вамъ говорю—шумѣли! Спускайтесь потише,

вы разбудите больную... Если кто-нибудь придетъ, скажите, что насъ нѣтъ дома!

Дядя. Да, да, скажите, что насъ нѣтъ дома!

Дѣдъ, вздрагивая. Не надо этого говорить.

Отецъ. Конечно, кромѣ сестры и доктора!

Дядя. Въ какомъ часу придетъ докторъ?

Отецъ. Раньше полуночи онъ не можетъ притти.

Затворяетъ дверь. Слышно, какъ
бьетъ 11 часовъ.

Дѣдъ. Она вошла?

Отецъ. Кто?

Дѣдъ. Служанка?

Отецъ. Да нѣтъ же, она пошла внизъ!

Дѣдъ. А мнѣ показалось, она сѣла къ столу.

Дядя. Служанка?

Дѣдъ. Да.

Дядя. Только этого и недоставало!

Дѣдъ. Въ комнату никто не входилъ?

Отецъ. Да нѣтъ же, говорятъ вамъ, никто!

Дѣдъ. И вашей сестры здѣсь нѣтъ?

Дядя. Сестра не приходила.

Дѣдъ. Вы меня обманываете?

Дядя. Обманываемъ?

Дѣдъ. Урсула, ради Бога, скажи мнѣ правду!

Старшая дочь. Дѣдушка, дѣдушка, что съ вами?

Дѣдъ. Что-то случилось... Я увѣренъ, моей дочери стало хуже!

Дядя. Вы бредите?

Дѣдъ. Вы не хотите мнѣ этого только сказать. Я же отлично вижу — что-то случилось...

Дядя. Въ такомъ случаѣ, вы видите лучше насъ!

Дѣдъ. Урсула, скажи мнѣ правду!

Дочь. Да вамъ и говорятъ правду, дѣдушка!

Дѣдъ. И голосъ у тебя необыкновенный!

Отецъ. Вы сами ее напугали.

Дѣдъ. И вашъ голосъ тоже измѣнился.

Отецъ. Вы просто сходите съ ума!

Отецъ и дядя знаками даютъ понять
другъ другу, что дѣдъ сошелъ съ ума.

Дѣдъ. Я отлично понимаю, что вы боитесь.

Отецъ. Чего же намъ бояться?

Дѣдъ. Зачѣмъ вы меня обманываете?

Дядя. Никому и въ голову не приходило васъ обманывать.

Дѣдъ. Зачѣмъ вы погасили лампу?

Дядя. Никто и не думалъ гасить. Здѣсь такъ-же свѣтло, какъ и раньше.

Дочь. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, лампа горитъ хуже.

Отецъ. А по моему, какъ всегда.

Дѣдъ. У меня будто камни на глазахъ! Скажите, дѣвочки, что здѣсь произошло? Скажите же, ради Бога... Вы видите, я совсѣмъ одинъ здѣсь, въ этомъ ужасномъ мракѣ! Я не знаю, кто садится рядомъ со мной, не знаю, что происходитъ въ двухъ шагахъ отъ меня!.. О чемъ вы сейчасъ шептались?

Отецъ. Никто не шептался.

Дѣдъ. Нѣтъ, вы шептались около двери.

Отецъ. Вы же слышали все, что я говорилъ.

Дѣдъ. Вы ввели кого-то въ комнату.

Отецъ. Говорю же вамъ, никто не входилъ.

Дѣдъ. Это ваша сестра или священникъ? — Нечего меня обманывать. Кто вошелъ сюда, Урсула?

Дочь. Никто не входилъ, дѣдушка.

Дѣдъ. Нечего меня обманывать... Что я знаю, то знаю! — Сколько насъ здѣсь?

Дочь. Насъ за столомъ шестеро, дѣдушка.

Дѣдъ. И вы всѣ сидите за столомъ?

Дочь. Да, дѣдушка.

Дѣдъ. Вы здѣсь, Поль?

Отецъ. Да.

Дѣдъ. И вы, Оливье?

Дядя. Ну да, конечно... здѣсь, на своемъ обычномъ мѣстѣ. Вы шутите, должно быть?

Дѣдъ. Женевьева, ты здѣсь?

Одна изъ дочерей. Здѣсь, дѣдушка.

Дѣдъ. И ты здѣсь, Гертруда?

Другая дочь. Да, дѣдушка.

Дѣдъ. А ты, Урсула, здѣсь?

Старшая дочь. Да, дѣдушка, рядомъ съ вами.

Дѣдъ. А кто же сидитъ тамъ?

Дочь. Гдѣ дѣдушка? Здѣсь больше никого нѣтъ.

Дѣдъ. Ну вотъ тутъ, посреди насъ?

Дочь. Да никого же нѣтъ, дѣдушка!

Отецъ. Говорятъ же вамъ, никого нѣтъ.

Дѣдъ. Ахъ! вы не видите!

Дядя. Да что вы смѣтаетесь, что ли?

Дѣдъ. Увѣряю васъ, мнѣ не до смѣха.

Дядя. Въ такомъ случаѣ, вѣрьте тѣмъ, кто видитъ.

Дѣдъ нерѣшительно. А мнѣ казалось, кто-то здѣсь есть... Должно быть мнѣ ужъ не долго жить...

Дядя. Зачѣмъ же намъ обманывать васъ? Какой смыслъ?

Отецъ. Все равно пришлось бы вамъ сказать правду.

Дядя. Зачѣмъ обманывать другъ друга?

Отецъ. И все равно, долго оставаться въ заблужденіи вы бы не могли...

Дѣдъ, стараясь встать. Какъ бы мнѣ хотѣлось разсѣять этотъ мракъ!

Отецъ. Куда вы хотите идти?

Дѣдъ. Уйти отсюда...

Отецъ. Не разстраивайтесь такъ...

Дядя. Вы какой-то странный сегодня.

Дѣдъ. А мнѣ кажется странными всѣ вы!

Отецъ. Что вы тамъ ищете?

Дѣдъ. Не понимаю, что со мной.

Старшая дочь. Дѣдушка, дѣдушка, что вамъ нужно?

Дѣдъ. Дайте мнѣ ваши ручки, дѣвочки.

Три дочери. Вотъ мы, дѣдушка!

Дѣдъ. Отчего вы всѣ три такъ дрожите?

Старшая дочь. Мы почти не дрожимъ, дѣдушка.

Дѣдъ. Вы всѣ навѣрно блѣдныя?

Старшая дочь. Поздно, дѣдушка, мы устали...

Отецъ. Шли бы себѣ спать, да и дѣдушкѣ было бы полезно отдохнуть.

Дѣдъ. Сегодня я все равно не засну.

Дядя. Подождемъ доктора!

Дѣдъ. Подготовьте меня къ правдѣ.

Дядя. Да никакой правды и нѣтъ.

Дѣдъ. Въ такомъ случаѣ я не понимаю, въ чемъ дѣло?

Дядя. Говорю вамъ, ровно ничего не произошло.

Дѣдъ. Я бы хотѣлъ повидаться съ дочерью.

Отецъ. Вы же знаете, что это невозможно. Нельзя же ее понапрасну будить!

Дядя. Завтра вы ее увидите.

Дѣдъ. И въ ея комнатѣ не слышно никакого шума.

Дядя. Меня-бы болѣе беспокоило, если-бы былъ шумъ.

Дѣдъ. Давно ужъ я не видалъ своей дочери!.. Вчера вечеромъ я трогалъ ея руки, но ея не видалъ!.. Я не знаю какая она стала... Не знаю ея лица, она измѣнилась, должно быть, за эти недѣли!.. Я чувствовалъ подъ пальцами косточки на ея лицѣ. Между мной и ей и всѣми вами только одинъ мракъ!.. Развѣ это жизнь?.. Вы всѣ смотрите на мои мертвые глаза, и никто изъ васъ не жалѣетъ меня!.. Не понимаю, что со мной... Того, что слѣдовало бы сказать, никогда не говорятъ... О чемъ ни подумаешь, все такъ страшно! Отчего вы всѣ молчите?

Дядя. Что же намъ говорить, если вы ничему не вѣрите?

Дѣдъ. Бойтесь выдать себя!

Отецъ. Будьте же наконецъ разсудительны!

Дѣдъ. Здѣсь уже давно что-то скрываютъ отъ меня... Въ домѣ что-то случилось!.. Но теперь я начинаю понимать... Слишкомъ ужъ долго меня обманывали!—Вы думаете, я никогда ничего не узнаю?—А знаете вы, что бываютъ минуты, когда я вижу лучше всѣхъ васъ. Вы думаете, я не слышу, какъ вы уже нѣсколько дней шепчетесь, какъ будто въ домѣ повѣшеннаго! У меня не хватаетъ смѣлости сказать сейчасъ, что я знаю.—Но я узнаю правду!.. Я дождусь, когда вы скажете правду, но

только я ее знаю уже давно помимо васъ! И я отлично чувствую, что вы всѣ теперь блѣднѣе мертвецовъ.

Три дочери. Дѣдушка! Дѣдушка! Что съ вами, дѣдушка?

Дѣдъ. Я не о васъ говорю, дѣвочки, не о васъ! Я знаю, вы бы сказали мнѣ правду, если бы ихъ не было около васъ! Впрочемъ они навѣрное обманываютъ и васъ. Увидите мои дѣвочки, увидите!.. Развѣ я не слышу, какъ вы всѣ трое рыдаете!

Отецъ. Развѣ въ самомъ дѣлѣ положеніе моей жены такъ опасно?

Дѣдъ. Можете меня больше не обманывать. Слишкомъ поздно, я лучше васъ знаю правду!..

Дядя. Не слѣпые же мы, наконецъ!

Отецъ. Хотите войти въ комнату вашей дочери? Тутъ какое-то недоразумѣніе и заблужденіе, съ которыми надо покончить! Хотите?

Дѣдъ вдругъ нерѣшительно. Нѣтъ, нѣтъ, не теперь... Еще рано...

Дядя. Ну вотъ видите, какой, вы непослѣдовательный.

Дѣдъ. Никогда не узнаешь всего, что человѣкъ не могъ сказать при жизни!..—Что это за шумъ?

Старшая дочь. Это огонь въ лампѣ дрожитъ, дѣдушка.

Дѣдъ. Мнѣ кажется, она очень не покойна... очень не покойна...

Дочь. Это вѣтеръ сюда проходитъ...

Дядя. Никакого вѣтра нѣтъ, окна закрыты.

Дочь. Она, кажется, сейчасъ погаснетъ.

Отецъ. Масло все выгорѣло.

Дочь. Она совсѣмъ гаснетъ.
Отецъ. Не оставаться же намъ въ темнотѣ!
Дядя. А почему бы и нѣтъ? Я уже привыкъ.
Отецъ. У жены въ комнатѣ есть огонь.
Дядя. Ну вотъ, мы и возьмемъ оттуда, когда придетъ докторъ.
Дѣдъ. На улицѣ уже свѣтло?
Отецъ. Свѣтлѣе, чѣмъ здѣсь!
Дядя. Я люблю разговаривать въ темнотѣ.
Отецъ. И я тоже. Пауза.
Дѣдъ. Кажется, часы слишкомъ стучать...
Старшая дочь. Это только кажется, дѣдушка, потому что всѣ сейчасъ замолчали.
Дѣдъ. Отчего вы всѣ молчите?
Дядя. О чемъ же намъ говорить?—Сегодня вы себя всдете не хорошо.
Дѣдъ. Въ комнатѣ очень темно?
Дядя. Да, не очень свѣтло. Пауза.
Дѣдъ. Мнѣ что-то не хорошо, Урсула... Открой немного окно!
Отецъ. Да, дочка, открой-ка окно. Мнѣ тоже душно...
Дочь открываетъ окно.
Дядя. Мнѣ положительно кажется, что мы слишкомъ долго сидѣли въ заперти.
Дѣдъ. Открыли окно?
Дочь. Да, дѣдушка, оно совсѣмъ открыто.
Дѣдъ. Трудно повѣрить, что оно открыто. Ни малѣйшаго шума не слышно!
Дочь. Да, дѣдушка, тишина мертвая.

Отецъ. Необыкновенная тишина! Кажется, можно бы услышать, какъ ангелы летаютъ.

Дядя. Я за это и не люблю деревни.

Дѣдъ. Хочется услышать какой-нибудь шумъ. Который часъ, Урсула?

Дочь. Скоро полночь, дѣдушка. При этихъ словахъ дядя начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Дѣдъ. Кто это ходитъ вокругъ насъ?

Дядя. Это я, я... Не бойтесь! Я чувствую потребность немного походить. Пауза.—Я сейчасъ сяду,—ничего не вижу. Пауза.

Дѣдъ. Мнѣ бы хотѣлось быть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ!

Дочь. Куда вамъ хочется, дѣдушка?

Дѣдъ. Не знаю куда—въ другую комнату... Куда-нибудь... Все равно, куда!

Отецъ. Куда бы намъ пойти?

Дядя. Поздно уже переходить.

Пауза. Они неподвижно сидятъ за столомъ.

Дѣдъ. Что это, Урсула?

Дочь. Ничего, дѣдушка, это листья падаютъ... Да, да, это листья падаютъ на террасу.

Дѣдъ. Затвори окно, Урсула.

Дочь. Сейчасъ, дѣдушка.

Закрываетъ окно и садится на свое мѣсто.

Дѣдъ. Холодно мнѣ. Пауза. Сестры цѣлуются. Что это такое?

Отецъ. Это дѣвочки цѣлуются.

Дядя. Онъ что-то блѣдны сегодня. Пауза.

Дѣдъ. Я еще что-то слышу.

Дочь. Нѣтъ ничего, дѣдушка, это я сложила руки. Пауза.

Дѣдъ. А это что?..

Дочь. Не знаю, дѣдушка, можетъ быть, это сестры, онѣ дрожать немного.

Дѣдъ. Я тоже боюсь, дѣвочки.

Въ это время снопъ луннаго свѣта проникаетъ въ окно и распространяетъ тамъ и сямъ странное мерцаніе. Бьетъ полночь, и при послѣднемъ ударѣ раздается какой-то неопредѣленный шумъ, какъ будто кто-то поспѣшно встаетъ. Дѣдъ вздрагиваетъ отъ ужаса. Кто это всталъ?

Дядя. Никто не вставалъ!

Отецъ. Я не вставалъ.

Три дочери. И я тоже! И я тоже! И я тоже!

Дѣдъ. Кто-то всталъ изъ-за стола.

Дядя. Огня!..

Въ это время справа изъ комнаты ребенка вдругъ доносится крикъ испуга, и этотъ крикъ и заключающійся въ немъ ужасъ продолжаются до конца сцены.

Отецъ. Слышите?!.. Ребенокъ!

Дядя. Онъ никогда не плакалъ.

Отецъ. Пойдемте къ нему!

Дядя. Огня! Огня!

Въ эту минуту въ комнатѣ налѣво раздается глухая торопливая бѣготня.— Потомъ наступаетъ мертвое молчаніе.—

Они прислушиваются въ нѣмомъ ужасѣ, пока дверь этой комнатѣ медленно отворяется. Въ залу проникаетъ изъ нея свѣтъ, и на порогѣ показывается сестра милосердія въ черной одеждѣ. Она наклоняется и крестится въ знакъ смерти жены. Они понимаютъ и, послѣ минуты нерѣшительности и ужаса, молча входятъ въ комнату умершей, при чемъ дядя въ дверяхъ останавливается и пропускаетъ трехъ дѣвочекъ. Слѣпой, оставшись одинъ, встаетъ и ощупью пробирается около стола.

Дядя. Куда вы?—Куда вы?—Они меня бросили одного!...

К о н е ц ъ .